

ТЕМНЫЙ РЫЦАР™: ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ.

АВТОР НОВЕЛЛИЗАЦИИ ГРЕГ КОКС

СЦЕНАРИЙ ДЖОНАТАНА НОЛАНА И КРИСТОФЕРА НОЛАНА
СЮЖЕТ КРИСТОФЕРА НОЛАНА И ДЭВИДА С. ГОЙЕРА
ОСНОВАНО НА ПЕРСОНАЖАХ КОМИКСОВ, ИЗДАНЫХ DC COMICS
ОБРАЗ БЭТМЕНА СОЗДАН БОБОМ КЕЙНОМ

Грег Кокс
Темный рыцарь:
Возрождение легенды
Серия «Вселенная Бэтмена»

Текст предоставлен издательством
<https://litres.ru/51707070>

Темный рыцарь: Возрождение легенды: АСТ; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-119584-7

Аннотация

<r>Восемь лет прошло с тех пор, как Бэтмена в последний раз видели в Готэм-Сити. За альтер-эго Брюса Уэйна охотится закон, и, кажется, уже ничто не может вернуть его обратно. Даже наглая кража, совершенная загадочной и соблазнительной воровкой Селиной Кайл в стенах поместья Уэйнов.</r> <r>Но затем, словно из ниоткуда, появляется новая смертельная угроза. Бэйн. Огромный, мощный и ужасно методичный, Бэйн стремится распространять хаос и смерть. Комиссар Гордон и департамент полиции Готэма не в состоянии остановить его, и им некуда обратиться. Но после стольких лет, может ли Темный рыцарь еще раз спасти Готэм от самой серьезной угрозы?</r> <r>Официальная новеллизация заключительной главы в эпической трилогии «Темный рыцарь» Кристофера Нолана.</r>

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Грег Кокс

Темный рыцарь: Возрождение легенды

Greg Cox

The Dark Knight Rises

Copyright © 2012 DC Comics.

BATMAN and all related characters and elements are trademarks of and © DC Comics

WB SHIELD: ™ & © Warner Bros. Entertainment Inc. (s20)
S 0235280

© Е. Иванова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Восемь лет назад...

– Харви Дент был нужен. Он был всем тем, о чем молил Готэм.

Комиссар полиции Джеймс Гордон стоял перед трибуной у здания суда, где покойный окружной прокурор, яко-

бы принявший мученическую смерть при исполнении служебных обязанностей, в свое время боролся за справедливость, предъявляя обвинения могущественным вождям преступного мира города. Почтить память Дента собрались и хмурые чиновники, включая мэра и городской совет. Черный похоронный венок обрамлял большой цветной портрет красивого мужчины с волнистыми светлыми волосами, сильной челюстью и улыбкой победителя. Харви Дент выглядел как защитник справедливости, но Гордон видел другое его лицо. Комиссар немного помедлил, прежде чем продолжить.

– Он был... героем. Не тем, которого мы заслужили. А тем, в котором нуждались. Не кем иным, как рыцарем, ярко сияющим даже в самые темные часы Готэма. Но я знал Харви Дента. Я был... его другом. Еще не скоро появится человек, который будет вдохновлять нас так, как он.

Гордон собрал свои записи, стремясь покончить с этим и сойти с трибуны:

– Я верил в Харви Дента.

Слова застряли у него в горле. Если повезет, люди подумают, что его просто переполняют эмоции. Не дай бог им угадать, что он на самом деле чувствовал. Это был секрет, которым он поделился только с одним мужчиной, человеком, который пожертвовал своей собственной легендой, чтобы сохранить наследие и репутацию Дента. Человек, чьего лица Гордон никогда не видел. Настоящий Темный рыцарь Готэма.

«Он наблюдает сейчас? – задумался Гордон, его глаза смотрели на толпу. – Где он теперь? И увидит ли его Готэм снова?»

Глава первая

Где-то в Восточной Европе

Большой внедорожник мчался по изрезанной горной дороге, мимо скалистых склонов без каких-либо признаков человеческого жилья. Клочковатые серые холмы то тут то там покрывали кустарники и зелень. Машина шла, не разбирая дороги, пытаясь успеть к месту встречи до захода солнца. Внедорожник прыгал по пересеченной местности под мрачным пасмурным небом, почти того же серого цвета, что и холмы. Сильный ветер хлестал сквозь суровые вершины и ущелья.

«Плохое предзнаменование», – подумал доктор Леонид Павлов. Ученый средних лет напряженно сидел в машине, в окружении мрачных мужчин, вооруженных автоматическим оружием. Еще несколько солдат охраняли пленников на заднем сиденье: три молчаливые фигуры с мешками на головах. Под пристальным взглядом охранников они сидели неподвижно, их руки были скованы наручниками.

Павлов неловко поежился, чувствуя себя скорее заключенным, чем пассажиром. Он нервно провел рукой по непослушным седым волосам. От пота рубашка приклеилась к

спине. *«Правильно ли я поступаю?»* – беспокоился он. – *«Что если я совершу ужасную ошибку?»*

Появились и другие звуки. Как только он убедил себя, что не должен был принимать предложение американцев, внедорожник прибыл к месту назначения – небольшой взлетно-посадочной полосе с видом на разрушенный войной город. Вдали раздался артиллерийский огонь, отзвуки эхом отразились на пустынных склонах. Заревели сирены. Звуки конфликта, который длился уже несколько месяцев, напомнили Павлову, почему он так хотел бежать из страны в более безопасное и цивилизованное место. Здесь было не место для человека его интеллекта – больше нет.

Внедорожник остановился, и охранники вытолкнули его из машины. На взлетно-посадочной полосе ждал турбореактивный самолет без опознавательных знаков вместе с небольшой встречающей группой, состоящей из невзрачного человека в костюме и небольшого эскорта вооруженных охранников. Хотя на солдатах не было опознаваемой формы или знаков отличия, Павлов предположил, что они были спецназом США, вероятно, из собственного секретного отдела специальной деятельности ЦРУ. Элитные полувойенные формирования специализировались на диверсиях, убийствах, борьбе с терроризмом, разведке... и эвакуации. Павлов надеялся, что сможет доверить им свою безопасность, особенно после недавнего побега.

Водитель подтолкнул его к человеку в костюме.

– Доктор Павлов? – Мужчина улыбнулся и протянул руку.
– Я из ЦРУ.

Он не назвал свое имя, впрочем, сделай он это, и Павлов все равно не поверил бы ему. Безымянный американский агент передал кожаный портфель радостно принявшему его водителю внедорожника. В портфеле было более чем достаточно средств, чтобы эта рискованная доставка стоила времени водителя. Он указал за спину.

– Он был не один, – заявил водитель.

Сотрудник ЦРУ разглядел людей с мешками на головах на заднем сиденье машины. Он хмуро посмотрел на Павлова:

– Вы не можете взять друзей.

– Они не мои друзья! – возразил ученый. На самом деле он хотел уйти как можно дальше от тех людей. *«Вы не знаете, на что они способны!»*

– Не волнуйтесь, – сказал водитель агенту ЦРУ. – Они входят в стоимость.

Американец с сомнением разглядывал пленников.

– Зачем они мне?

– Они пытались забрать ваш приз, – объяснил водитель, ухмыляясь. – Они наемники. Работают на человека в маске.

Волнение появилось на неопределенных, непримечательных чертах лица агента ЦРУ. Он пристально посмотрел на пленников.

– Бэйн?

Водитель кивнул.

– Взять их на борт, – приказал агент своим людям, быстро изменив свои планы. Очевидно, это была возможность, которую он не собирался упускать. Он достал из пиджака сотовый телефон. – Я позвоню им.

Павлов тяжело сглотнул. Ему не нравилось происходящее. Он содрогнулся при воспоминании о попытке похищения и при самом упоминании печально известного командира нападавших. Бэйн стал синонимом злодеяний, по крайней мере, в этой части мира. Если бы не своевременное вмешательство милиции, он бы оказался в лапах убийцы.

Будь у него выбор, он оставил бы людей Бэйна далеко позади.

Через несколько минут они низко летели над темными горами, стремясь, чтобы их не обнаружили. Специальный агент Билл Уилсон проверил доктора Павлова, без колебаний вжавшегося в пассажирское кресло, прежде чем обратить свое внимание на заключенных. Несмотря на спокойный профессиональный вид Уилсон был взволнован перспективой наконец получить надежную информацию о Бэйне. До сих пор известный наемник сопротивлялся всем усилиям Управления нейтрализовать его или даже привлечь на свою сторону. Они даже не знали, как он выглядел под этой гротескной маской. Этот человек был загадкой – с бесчисленными жертвами.

«Забудь о Павлове, – думал Уилсон. – Если я смогу полу-

чить информацию на Бэйна, это украсит мой послужной список. Возможно, даже будет продвижением по службе. Может быть, пост в Вашингтоне или Нью-Йорке».

Мужчины с мешками на головах стояли на коленях у грузовой двери, их запястья были закованы в наручники сзади. Пленников охраняли десантники спецназа. Уилсон наугад схватил одного пленника.

– Что вы делаете в моей операции? – требовательно спросил он.

Пленник держал рот на замке.

«Хорошо, – подумал Уилсон. – Пусть будет по-вашему». Он не ожидал, что мужчина расколется без небольшого воздействия. Он вытащил полуавтоматический пистолет из-под куртки и приставил дуло к голове человека. Пленник вздрогнул, но промолчал. Уилсон решил поднять ставку. Он повысил голос, чтобы все трое могли слышать его даже через мешки на головах.

– В план полета, который я только что представил Агентству, внесены я, мои люди и, конечно, доктор Павлов. Но только *один* из вас.

Он распахнул грузовую дверь. Холодный воздух проник в кабину, а ветер снаружи взвыл, словно душа в муках. Уилсон схватился за ремень, чтобы устоять на ногах. Он кивнул ребятам из спецназа, которые схватили первого заключенного и повесили над грузовой дверью. Ветер бушевал в его волосах и одежде, угрожая вырвать заключенного из рук воен-

ных. Несколькими тысячами футов ниже ожидали лесистые вершины.

– Первый, кто заговорит, сможет остаться в моем самолете! – пытался перекрычать ветер Уилсон. Он взвел курок своего оружия. – Итак... кто заплатил вам за похищение доктора Павлова?

Мужчины молчали. Уилсон признал, что у Бэйна были преданные наемники. Ему придется надавить сильнее.

«Время для маленькой ловкости рук...»

Он выстрелил за дверь – резкий звук в завывающем ветре. Ребята из SAD¹ втащили упрямого заключенного обратно в самолет, а затем ударили его дубинкой, прежде чем он успел издать звук. Теоретически, двое других пленников должны были думать, что их товарищ мертв и выброшен за борт.

Может, это развяжет им языки.

– Он не умеет летать, – соврал Уилсон. – Кто хочет попробовать следующим?

Спецназовцы подошли ко второму заключенному. Двигаясь с выработанной практикой эффективностью, они вытащили потенциального похитителя за дверь, высоко над горами. Падать пришлось бы достаточно долго, чтобы вселить страх Божий в кого угодно.

– Расскажи мне о Бэйне! – потребовал Уилсон. – Почему он носит маску?

Только ветер ответил ему.

¹ Специальная военизированная структура ЦРУ (Прим. пер.)

Разочарованный, Уилсон приставил пистолет к голове второго мужчины. Агент был сыт по горло упорным нежеланием пленников сотрудничать. Неужели они думали, что он просто шутит? Он снова взвел курок своего пистолета, но по-прежнему... ничего не получил.

– Много преданности для наемника!

– Или, – прервал новый голос, – возможно, он задается вопросом, зачем кому-то стрелять в человека, прежде чем выбросить его из самолета.

Приглушенный голос исходил от третьего заключенного, который казался больше и лучше сложен, чем двое других. Мускулы выпучились под его черной кожаной курткой и изношенной формой. У него было телосложение прыгуна или профессионального борца, и он высоко держал голову, несмотря на мешок.

Отбросив второго мужчину, Уилсон приказал солдатам втащить бесполезный кусок мяса обратно в самолет, а затем захлопнул грузовую дверь, чтобы отсечь воющий ветер и облегчить проведение допроса. Настало время ответов.

– Мудрый парень, да? – Он осмотрел третьего пленника. – По крайней мере, ты можешь говорить. Кто вы?

– Мы ничто, – ответил мужчина. – Мы грязь под вашими ногами. И никто не интересовался тем, кто я, пока я не надел маску.

«Ого, – подумал Уилсон, застигнутый врасплох. Своеобразная смесь волнения и опасения заставила его сердце бить-

ся чаще. – *Он только что сказал то, что я думаю?»*

Затаив дыхание, он осторожно подошел к заключенному и сдернул с мужчины мешок, обнажив тревожное лицо, которое сразу узнал по захваченным шпионским фотографиям и боевым кадрам. Это были лицо и маска, которые вдохновляли кошмары в кровавых уголках земного шара.

Темные глаза блестели над пугающей темно-синей маской, которая скрывала нижнюю половину лица мужчины, прикрывая нос, рот и подбородок. Маска, сделанная из резины с клепанными металлическими деталями, частично поддерживалась толстым вертикальным ремнем, который разделял лоб наемника и безволосый череп. Два ряда спиральных стальных дыхательных трубок проходили над и под каким-то встроенным ингалятором, который закрывал рот мужчины. Это придало его лицу смутно похожий на череп вид. Трубы бежали по краям маски к паре миниатюрных канистр позади его черепа. Воздух шипел, когда он дышал. Никаких признаков страха не было видно в пронзительных глазах мужчины. Он говорил спокойно и с полной уверенностью.

– Кто мы, не имеет значения, – сказал Бэйн. – Что важно, так это наш план.

Уилсон был очарован продуманным головным убором мужчины, который напоминал специализированный противогаз. Было ли это сделано просто для эффекта, или дыхательный аппарат выполнял какую-то жизненно важную функцию? Он показал на него:

– Если я сниму его, ты умрешь?

– Это было бы невыносимо больно... – ответил Бэйн.

«*Приятно знать*», – подумал Уилсон. У него не было сочувствия к безжалостному наемнику. Бэйн был плохим парнем, который заслужил страдания.

– Ты уже большой мальчик.

– Для тебя, – пояснил Бэйн.

Холодок пробежал по позвоночнику Уилсона, но он постарался это скрыть. Важно было контролировать допрос.

– Быть пойманным – часть вашего плана?

– Конечно, – сказал Бэйн. – Доктор Павлов отказался от нашего предложения в пользу вашего. Мы должны были знать, что он рассказал вам о нас.

– Ничего! – крикнул ученый со своего места. Он был обьят ужасом от присутствия Бэйна, хотя наемника надежно охраняли. У Павлова были испуганные глаза. Он кричал отчаянно, как будто вымаливал себе жизнь. – Я ничего не говорил!

Уилсон проигнорировал истерику Павлова:

– Почему бы просто не спросить его? – спросил он, кивая головой в сторону ученого.

– Он бы не сказал нам.

– У вас есть свои методы, – сказал Уилсон.

– Он нужен мне здоровым, – объяснил Бэйн. – С вами таких проблем нет.

Полная уверенность этого человека нервировала. Уилсон

рассмеялся, главным образом для своих людей, а затем посмотрел вверх, когда где-то над ними раздался глубокий бас. Неожиданный звук проник в фюзеляж самолета, конкурируя со звуком двигателей.

Гром? Прогноз погоды не предсказывал штормов.

Сверху спустился массивный транспортный самолет, во много раз больше маленького турбореактивного самолета. Его тускло-серый корпус ничем не выдавал его принадлежность, пока он снижался опасно близко к маленькому самолету. Пандус открылся под транспортом, и четыре человека выпали, свисая с тросов – по два с каждой стороны от цели. Они были вооружены и готовы.

С каждой минутой грохот становился все громче. Турбулентность сотрясла самолет, заставив отклониться в сторону. Уилсон изо всех сил пытался сохранить равновесие. Он обменялся озадаченным взглядом с лидером группы спецназа, сержантом по имени Родригес, который выглянул из одного из маленьких окон самолета. Солдат сощурился от угасающего солнечного света.

– Сэр?

Уилсон не знал, что происходит, но показывать это не собирался. Ему все еще надо было провести допрос.

– Что ж, поздравляю, – насмеялся он над Бэйном. – Каков следующий шаг плана?

– Крушение этого самолета. – Бэйн медленно поднялся на ноги. – Без выживших.

Внезапно, на высоте тысяч футов над землей, с другой стороны иллюминатора появился вооруженный человек. Вздвогнув, один из бойцов повернулся к окну, но не достаточно быстро. С разных сторон раздались выстрелы, когда пара снайперов открыла огонь по окнам. Стекло разбилось, и люди Уилсона упали на пол. Кровь и хаос разлились по всей каюте. Смерть изменила план полета.

«Нет! – подумал Уилсон. – Этого не может быть! Я здесь главный!»

* * *

Снаружи самолета двое других мужчин прикрепили крепкие стальные крюки к фюзеляжу. Толстые кабели промышленной прочности соединяли два самолета, когда один из мужчин подал сигнал экипажу на борту большого транспорта. Мощные подъемники активировались, дернув меньший самолет, летевший внизу, за хвостовую часть. Стонущие лебедки оказывали невероятное давление на захваченный турбореактивный самолет. Его хвост вздернулся вверх.

Весь салон самолета наклонился вперед под углом почти девяноста градусов, что лишило равновесия агента ЦРУ и его людей. Неплотно закрепленный багаж и обломки свали-

лись в переднюю часть самолета.

Агент ЦРУ вцепился в сиденье, чтобы не упасть, а мертвые и раненые солдаты проносились по вертикально расположенному салону, падая мимо все еще пристегнутого ремнями доктора Павлова. Взволнованный ученый пытался пропустить мимо себя эти неожиданные жертвы, но все происходило слишком быстро.

«Я знал это, – он был в отчаянии. – Я не должен был пытаться бежать. Для меня не было спасения. Не от Бэйна».

Только человек в маске казался готовым к внезапному изменению положения. Падая вперед, он обхватил своими массивными ногами спинку соседнего кресла и обеими руками схватил голову агента ЦРУ. Его запястья все еще были в наручниках, но это не помешало ему сломать шею американцу так же легко, как разорвать обертку конфеты.

Безымянный оперативник скончался мгновенно, далеко от дома.

Бэйн превратил труп в оружие, бросив его на молодого сержанта, который с глухим стуком врезался в дверь кабины. Тело сержанта обмякло. Павлов не мог сказать, был ли он мертв или просто без сознания. Не то чтобы это действительно имело значение – паникующий ученый был слишком напуган, чтобы беспокоиться о каком-то несчастном американском солдате.

«Бэйн убьет нас всех, чтобы получить то, что хочет».

Павлов уставился на переднюю часть салона, которая те-

перь стала нижней частью чего-то, напоминающего бесконечные американские горки. Гравитация притянула ученого, и он прислонился ногами к спинке сиденья впереди, отталкиваясь от него.

Самолет сильно трясло – он разрывался на части. Павлов чувствовал разрушительные вибрации через пол, сиденье и позвоночник. Он был физиком, а не авиационным инженером, но даже он знал, что самолет больше не выдержит.

Ветер завывал сквозь разбитые окна. Глядя сквозь битое стекло, ученый увидел, как правое крыло срезало на глазах. Самолет наклонился в одну сторону.

«Вот и все, – понял Павлов. – Мы все умрем».

* * *

Снаружи четверо мужчин забрались на хвост болтающегося самолета. Они двигались быстро и эффективно, выполняя свою задачу. Второе крыло оторвалось, резко упав к неумолимым вершинам внизу. Облако дыма и мусора вспыхнуло там, где отрубленное крыло коснулось гор.

Мужчины ускорились. Они прикрепили взрывчатку к хвосту самолета и, не оставив себе права на ошибку, отскочили от самолета, качнувшись на привязи...

Бэйн снял наручники, как будто это были дешевые пластиковые игрушки. Расцепив ноги, он ослабил хватку сиде-

нья и с удивительной проворностью падал по салону, кувыркаясь в воздухе, пока не достиг Павлова, после чего вытянул руки, чтобы остановить контролируемый спуск. Он четко знал, что делает и чего хочет.

Глаза Павлова расширились от страха.

Оглушительный взрыв сорвал заднюю дверь салона, чуть не вызвав у него сердечный приступ. Зловещий белый дым мгновенно наполнил салон. Сквозь дым в самолет упали люди Бэйна, висящие на тросах. Павлов смотрел с тревогой, не понимая, что происходит.

Бэйн находился здесь, чтобы убить его или спасти?

Тяжелый предмет спустили в салон. Ученый понял, что это мешок с телом. Бэйн положил его на спинку сиденья рядом с ученым. *«Это для меня?»* – гадал Павлов.

Затем он понял, что зловещий черный пластиковый пакет уже занят. Бэйн расстегнул молнию, и показалось тело незнакомца, который, тем не менее, выглядел смутно знакомым. Павлову потребовалось мгновение, чтобы понять, что мертвец был примерно одного с ним роста и возраста, с таким же смуглым цветом лица и непослушными седыми волосами. Даже их лица были явно похожи.

«Не понимаю, – думал он. – Что это значит?»

Бэйн не тратил время на объяснения. Он разорвал рукав рубашки Павлова, затем полез в скрытый карман в подкладке собственной куртки, достав отрезок хирургической трубки, от обоих концов которой исходили полые иглы. Бэйн

крепко держал ученого за руку и пальпировал толстую вену в сгибе локтя.

«*Стой, – подумал Павлов. – Не...*»

Но это было бесполезно. Бэйн вонзил иглу в руку, умело пронзив вену с первой попытки. Павлов вздрогнул от боли. Ему никогда не нравились иглы.

«*Что ты делаешь?*»

Быстро приладив первую иглу на место, Бэйн вставил другой конец трубки в руку трупа. Темная венозная кровь начала течь из ученого в мертвеца. Растерянный и испуганный, Павлов с ужасом наблюдал, как Бэйн сжимал грудь покойника, *втягивая кровь в безжизненное тело.*

Ученый почувствовал тошноту в животе.

Меньше пинты – и непристойное переливание закончилось. Бэйн вытащил иглу из руки Павлова и жестом предложил ему надавить на рану, чтобы та не кровоточила.

Тем временем вооруженный наемник снял мешки с головы своих товарищей, затем схватил первого пленника и привязал его к тросу. Наемник крепко держался, когда трос потянул их обоих вверх по салону к свободе. Через несколько мгновений они исчезли из поля зрения.

«*Значит, выход там, – понял Павлов. Возможно, у него все еще была надежда, если Бэйн его сначала не убьет. – Мне нужно сойти с этого самолета, прежде чем он упадет!*»

Второй пленник, уже не связанный, начал привязывать себя к тросу.

Бэйн покачал головой.

– Друг, – мягко сказал он. – Они ожидают одного из нас среди обломков.

Мужчина понимающе кивнул. Не говоря ни слова протеста, он отцепился от спасательного троса, спустился к Бэйну и сжал руку своего лидера. Его глаза светились пылом истинного верующего.

– Мы же зажгли огонь? – спросил мужчина.

Бэйн сжал его руку в ответ.

– Огонь пылает.

Очевидно, этого было достаточно, потому что мужчина передал Бэйну трос. Наемник обхватил им тело Павлова, проверил и убедился в прочности троса, а затем достал нож, который, видимо, забрал у одного из своих людей – или, возможно, у одного из убитых американских солдат. Ученый сглотнул, увидев сверкающее стальное лезвие, представив, как оно перерезает ему горло, но Бэйн просто разрезал ремень безопасности Павлова, освобождая его.

Гравитация завладела ученым, когда он наконец начал падать вперед. Павлов запаниковал, ища, за что можно ухватиться, чтобы не упасть на дно салона.

«Помогите!» – думал он. – *«Я падаю...!»*

Они соскользнули с сидений, висящих в хаосе, в нескольких футах над дверями салона и наваленными там телами. Дым и кровь заполнили салон. Павлов задавался вопросом, пытался ли еще пилот безуспешно восстановить контроль

над бескрылым самолетом. Куски пепла и мусора сдувало ветром ему в лицо, уши все еще звенели от взрыва, а ноги болтались в воздухе.

Бэйн вынул маленький ручной детонатор и посмотрел ему в глаза.

– Успокойтесь, доктор. Сейчас не время бояться. Оно наступит позже.

Наемник нажал кнопку взрыва. Павлов не услышал щелчок за ревом ветра, но он определенно услышал взрывы, которые освободили самолет ЦРУ от крюков. Внезапно весь салон упал вниз, оставив их висящими на высоте нескольких тысяч футов над горами. Мужчина, пожертвовавший своей жизнью, упал с остатками самолета, вместе с пилотами и трупами.

Павел смотрел вниз на душераздирающее падение. Бескрылые кабина пилотов и салон врезались в пересеченную местность, выбросив вверх огромный гейзер пыли и щебня. Топливные баки загорелись, вызвав огненный взрыв. Дым и пламя поднялись из обломков.

Леонид Павлов, выдающийся ученый и инженер, кричал от ужаса, пока его поднимали в небо.

Глава вторая

– День Харви Дента, может, не самый старый наш общий праздник, – заявил мэр Энтони Гарсиа, – но мы собрались здесь сегодня, потому что он один из самых важных. Бескомпромиссная позиция Харви Дента в отношении организованной преступности и, да, в конечном счете, его жертва сделали Готэм более безопасным местом, чем восемь лет назад, когда он умер.

Позади него стояла большая фотография Дента на коне.

Модная толпа заполнила залитую лунным светом землю поместья Уэйнов. Элегантные мужчины и женщины, представляющие сливки общества Готэма, вежливо слушали речь мэра, переходя с место на место и болтая между собой. Яркие огни рассеивали тень грозного поместья во всем его восстановленном готическом великолепии, ни намеком не выдававшего то, что все здание сгорело дотла несколько лет назад.

Дорогие украшения блестели на женщинах в дизайнерских вечерних платьях, которых сопровождали мужчины в шелковых костюмах и смокингах на заказ. Бокалы для шампанского звенели. Официанты проплывали среди гостей, предлагая свежие напитки и закуски. Это была чудесная осенняя ночь, и погода была прекрасной.

– Этот город стал свидетелем исторического поворота, –

продолжил мэ́р со своего места на подиуме. Это был худой человек, чьи блестящие черные волосы и фотогеничная внешность пережили несколько лет офисной работы. – Ни один город не обходится без преступлений. Но в этом городе неторгованной преступности, потому что «Акт Дента» дал правоохранительным органам возможность бороться с мафией. Сейчас многие говорят об отмене этого закона. И им я говорю – только через мой труп!

Восторженные аплодисменты приветствовали его слова. Каждый из собравшихся извлек выгоду из улучшения ситуации в городе. Можно было снова с уверенностью инвестировать в Готэм и ждать солидной прибыли. Неудивительно, что мэ́р был переизбран на третий срок подряд.

– Я хочу поблагодарить «Фонд Уэйна» за организацию этого мероприятия, – продолжил он, смиренно принимая аплодисменты. – Мне сообщили, что мистер Уэйн не может быть с нами сегодня вечером, но я уверен, что душой он с нами.

«Или, может быть, он ближе, чем мы думаем», – подумал Джим Гордон. Комиссар сидел один в открытом баре недалеко от помоста. Он был бывшим полицейским из Чикаго – сильно за пятьдесят, с седеющими каштановыми волосами и усами. Уставшие голубые глаза смотрели через очки в роговой оправе. Взглянув на величественный мраморный фасад усадьбы, он заметил одинокую фигуру, наблюдавшую за торжеством с одного из верхних балконов. Фигура

была настолько тихой и безмолвной, что его могли по ошибке принять за дымоход или горгулью, но Гордон узнал наблюдателя, когда увидел его. Он подозревал, что этот конкретный наблюдатель был владельцем всего, находящегося в поле зрения.

– А сейчас я уступаю это место важному человеку, – пообещал мэр, отвлекая внимание Гордона от одинокой тени на балконе. Сердце комиссара упало, и он пожалел, что не успел подкрепиться еще одним крепким напитком. Он без энтузиазма возился с листами бумаги, разложенными перед ним, еще раз просматривая свою написанную от руки речь. Он выстрадал каждое слово, но все еще не был уверен, что у него хватило смелости прочесть их вслух.

Затем он приготовился к тому, что должно было прийти.

«Я действительно собираюсь пройти через это? – спросил он себя. – После всех этих лет?»

– Комиссар.

Бодрый голос вторгся в его мысли. Гордон поднял голову и увидел конгрессмена Байрона Гилли, пробирающегося к бару. По румяному цвету лица мужчины Гордон догадался, что Гилли уже выпил один бокал или два... или три. Он был коренастым человеком и очень обеспеченным. Одна его стрижка, вероятно, стоила больше, чем недельная зарплата полицейского.

– Конгрессмен.

Гилли огляделся вокруг. Ухоженные газоны и сады, укра-

шенные изящными каменными фонтанами и скульптурами, стали местом ежегодного празднования.

– Когда-нибудь видели Уэйна на подобных мероприятиях?

Гордон решил не упоминать фигуру на балконе. Он покачал головой.

– Никто не видел, – вмешался третий собеседник. – Уже очень давно. – Питер Фоули, заместитель комиссара Гордона, присоединился к ним в баре. Настоящая восходящая звезда, он был на пять лет моложе Гордона, но уже сделал себе имя в деловой части города. Энергичный и ухоженный, с густыми каштановыми волосами, еще не тронутыми сединой, он носил свой английский костюм комфортнее, чем Гордон, чей наряд был уже помят, несмотря на вялые попытки изысканно одеться для мероприятия.

Гордон посмотрел на свою одежду и поморщился. Было время, когда его жена следила за тем, чтобы он выглядел презентабельно в таких случаях. Но опять же времена изменились.

Голос мэра вещал с трибуны:

– Он может рассказать вам о прежних плохих деньках, – продолжил он, очевидно, не спеша покидать центр внимания. – Когда преступники и коррупционеры управляли этим городом такой жесткой хваткой, что люди верили бандиту-убийце в маске и плаще. Бандиту, показавшему свою истинную натуру, когда он предал доверие этого великого

человека. – Он повернулся к большому цветному портрету Дента. – И хладнокровно его убил.

Не обращая внимания на речь мэра, Гилли ухмыльнулся, заметив привлекательную молодую официантку, проскочившую мимо них с подносом канапе. Черная униформа горничной, в комплекте с выглаженными белым фартуком, манжетами и воротником, подчеркивала достоинства стройной фигуры брюнетки. Она замерла, когда конгрессмен грубо схватил ее за задницу.

– Милая, – отругал он ее. – Не убегай с едой так быстро.

Она повернулась к нему лицом, ловко вырываясь из его рук. Непроницаемая улыбка не соответствовала негодованию, скрывавшемуся за ее большими карими глазами. Она протянула поднос.

– Креветочные шарики?

Гордон подавил ухмылку.

Смешок раздался над хорошо причесанной головой Гилли, когда он выхватил пару закусок и сунул их в рот. Официантка быстро удалилась, но Гордон не мог ее винить. Конгрессмен он или нет, Гилли нужно было держать руки при себе.

– Джим Гордон, – объявил мэр, – может рассказать вам правду о Харви Денте...

Разговаривая с полным ртом, Гилли кивнул на листы бумаги, которые просматривал Гордон.

– Иисусе, Гордон, это твоя речь? – пробормотал он, из-

вергая крошки. – Мы останемся здесь на всю ночь.

Гордон поспешно свернул бумаги.

– Может быть, правда о Харви не так проста, конгрессмен.

– ...но позволю ему рассказывать самому, – закончил мэр.

Он отошел от трибуны. – Комиссар Гордон?

И снова раздались аплодисменты собравшихся на вечеринку.

«*Это моя реплика*», – угрюмо подумал Гордон. Он выпил напоследок и направился к трибуне, чувствуя себя осужденным преступником, приближающимся к виселице. Он подошел к микрофону и вытащил бумаги со своей речью, хотя его и одолевали сомнения.

– Правду?.. – начал он.

Нежелательное, уродливое воспоминание вспыхнуло у него в голове. Он увидел Харви Дента таким, каким запомнил его в действительности. Левая половина лица Дента была сожжена, оставив вместо себя отвратительное месиво из обугленных мышц и рубцовой ткани. Налитый кровью глаз, пылающий безумием, выпученный из голой глазницы. Через рваную щель в щеке блестела обнаженная челюсть, а полоска ободранного хряща тянулась вертикально над тем, что осталось от улыбки Харви.

Наоборот, правая сторона его лица осталась такой же красивой, как и всегда.

Харви больше не был окружным прокурором-борцом с преступностью, когда угрожал маленькому мальчику за-

ряженным пистолетом. Мальчик, драгоценный сын самого Гордона, дрожал в лапах сумасшедшего, смело стараясь не плакать, даже когда Гордон отчаянно умолял сохранить жизнь своему ребенку.

Дент невозмутимо подбросил монетку...

Гордон вытеснил ужасное воспоминание из своего разума. Он смотрел на публику, задаваясь вопросом, готовы ли они наконец услышать то, что он хотел сказать. Портрет Харви, портрет героя, тихо маячил позади него. Гордон обдумывал свои варианты и свои мотивы. Стоит ли очищать свою совесть, рискуя всем, что было сделано во имя Харви?

– *Яуже* написал речь, рассказывающую правду о Харви Денте, – признался Гордон, решаясь. Он сложил свои бумаги и засунул их в нагрудный карман своего пиджака. – Но, возможно, сейчас не подходящее время.

– Слава Богу, – пробормотал Гилли в баре, чуть громче, чем следовало.

– Пожалуй, все, что нужно знать, – сказал Гордон, – это то, что в тюрьме Блэкгейт содержатся тысяча заключенных, и это прямое следствие «Акта Дента». Это жестокие уголовники, важнейшие винтики в машине организованной преступности, которая так долго терроризировала Готэм. Наверно, все, что я сейчас должен сказать о смерти Харви Дента, – это было не зря.

Толпа восторженно хлопала: все, кроме фигуры на балконе, которая молча отвернулась и скрылась в верхних этажах

особняка. Наблюдая за ним краем глаза, Гордон видел, как он исчез.

«Не могу его винить, – подумал Гордон. – Я не сказал ничего стоящего».

Чувствуя себя трусом, он отступил от трибуны. Сомнения последовали за ним, как и каждый день в течение восьми долгих лет. Правильно ли он поступил? Или он просто струсил?

Он нашел Фоули в баре.

– Отчеты второй смены готовы? – спросил Гордон.

– Они у вас на столе, – заверил его Фоули. – Но вам бы почаще общаться с мэром.

Гордон фыркнул:

– Это по твоей части. – Фоули лучше работал в мэрии и наглаживал эго политиков. Гордон же отдавал предпочтение старомодной полицейской работе.

Бросив последний печальный взгляд на портрет на трибуне, комиссар решил, что в этом году он выполнил свою роль в Дне Харви Дента. Поэтому он направился к гравийной дороге перед особняком, где длинный ряд безупречных лимузинов ждал своих могущественных и / или богатых пассажиров. Он не мог дождаться пока уберется отсюда.

С каждым годом это становилось все труднее.

А позади него, в баре, конгрессмен качал головой, видя внезапный отъезд Гордона. Он не мог поверить, что этот ту-

пой болван на самом деле отказывается от такой шикарной вечеринки ради возвращения на работу. Особенно сейчас, когда война с преступностью уже выиграна.

– Кто-нибудь показал ему статистику преступлений? – спросил он.

Фоули пожал плечами.

– Он доверяет своей интуиции, а она беспокоит его в последнее время, несмотря на числа.

– Жена должно быть в восторге, – сдался Гилли. Его собственная дражайшая половина очень удачно осталась дома, мучимая мигренью.

– Не совсем, – ответил Фоули. – Она забрала детей и переехала в Кливленд.

– Ну, скоро у него будет достаточно времени для визитов. – Гилли понизил голос до заговорщического шепота и наклонился к молодому человеку. – Весной мэр уволит его.

– Неужели? – Фоули был удивлен откровением, или, по крайней мере, сделал вид. – Он герой.

– Геройвойны, – ответил Гилли. – А сейчас мирное время. – Он ткнул Фоули в грудь. – Будь умницей и работа твоя.

Позволяя Фоули обдумать свои слова, Гилли огляделся вокруг. Теперь, когда все речи наконец были произнесены, вечеринка набирала обороты. В отличие от Гордона, у него были дела поважнее, чем работать по ночам.

«Эй, – подумал конгрессмен, – куда подевалась та симпатичная девица в костюме служанки?»

Она все еще чувствовала хватку конгрессмена на своей заднице. Ее ярость возросла при одном воспоминании: «*Ему повезло, что я не преподала ему болезненный урок хороших манер*».

Кухня особняка давала временное убежище от требовательных гостей на лужайке. Небольшая армия официантов, поставщиков и поваров, расположившаяся по всей просторной территории, работала сверхурочно, чтобы гости были по-королевски накормлены и напоены. Отложив свой пустой поднос, она погрузилась в шумную деятельность, сливаясь с остальным обслуживающим персоналом. Никто не приглядывался к ней.

«*Пока забудь про конгрессмена, – напомнила она себе. – Сосредоточься*».

Она подслушала маленькую группу служанок, сплетничающих в углу.

– Говорят, он никогда не покидает восточное крыло.

– Я слышала, что он попал в аварию, что он изуродован.

Другой слуга поспешно сделал им знак заткнуться. Вся болтовня умерла, когда на кухню вошел утонченный джентльмен в форме дворецкого. Его серебристые волосы дополняли его благородные, изможденные черты лица.

«*Альфред Пенниюрт, – узнала она его. – Верный слуга семьи*».

– Мистер Тилл, – обратился он к главному поставщику.

Интеллигентный британский акцент выдавал его происхождение. – Почему ваши люди пользуются главной лестницей?

Мистер Тилл пробормотал извинения, которые она не удосужилась выслушать. Вместо этого она внимательно наблюдала, как Пенниурт ставит стакан с пресной водой на поднос рядом с множеством накрытых тарелок и блюд. Дворецкий осмотрел кухню.

– Где миссис Болтон?

Служанка бойко шагнула вперед.

– Она в баре, сэр, – сказала она. – Могу ли я вам помочь?

Он вздохнул, как будто не совсем довольный сложившейся ситуацией, но протянул ей поднос и старомодный латунный ключ.

– Восточная гостиная, – проинструктировал он. – Открой дверь, поставь поднос на стол и снова запри дверь. – Он помолчал для усиления эффекта. – И ничего больше.

Она покорно кивнула опущенной головой и взяла ключ.

Выскользнув из кухни, прежде чем что-то пошло не так, она прошла через гигантский особняк к восточному крылу. Строгие белые стены и тяжелые шторы придавали дому холодный, неприветливый вид. Гул вечеринки постепенно угасал, пока она удалялась от празднования. Она не могла не заметить ценный антиквариат, гобелены и картины, украшающие залы, а также то, насколько безмолвным и безжизненным казалось это место. Скорее музей, чем дом.

Большая дубовая дверь закрывала вход в крыло. Она ис-

пользовала ключ, и дверь распахнулась перед ней, открывая богато обставленную гостиную, которая была, вероятно, в два раза больше ее жалкой квартиры в Старом городе. Она знала, что мебель ручной работы из красного дерева изначально была деревьями на плантациях Уэйна в Белизе. Роскошная фарфоровая посуда, вазы и другие безделушки украшали полку большого незажженного камина. Несмотря на богатство, комната была слабо освещена и тиха, как гробница.

«Точно не особняк «Плэйбой», – отметила она. – Все эти старые деньги просто пропадают впустую».

Она огляделась вокруг, но не увидела никого, даже знаменитого затворника, хозяина дома. Поставив поднос на полированный стол из дерева грецкого ореха, она даже не вышла из комнаты в соответствии с инструкциями. Вместо этого ее взгляд остановился на внутренней двери в другой части комнаты. Ее удобно оставили приоткрытой.

Она злорадно улыбнулась.

Насколько это было идеально?

Глава третья

– Простите, мисс Тейт, я пытался. Он не может вас принять.

Альфред задержался в коридоре, чтобы поговорить со стильной молодой женщиной, которая пыталась заручиться его помощью. Миранда Тейт, член совета директоров «Уэйн Энтерпрайзес», была, вероятно, самым привлекательным управляющим, с которым Альфред столкнулся за многие десятилетия работы. Блестящие темные волосы обрамляли классически красивое лицо. Поразительные серо-голубые глаза сияли умом и решительностью.

– Это важно, мистер Пенниурт, – настаивала она. В ее голосе звучал слабый акцент, который дворецкий не мог понять, несмотря на свои активные путешествия по Европе и другим местам.

– Господин Уэйн полон решимости игнорировать как важное, так и обычное, – с оттенком сухой иронии ответил он.

Иронический смех прервал их разговор. Джон Даггетт подошел к ним, самодовольный и противный – как обычно. Деловой магнат, унаследовавший процветающую строительную компанию, мог похвастаться тщательно уложенными каштановыми волосами, способными опозорить Дональда Трампа. Его сшитый на заказ костюм с трудом сдерживал его большое самомнение.

– Не принимайте это на свой счет, Миранда, – сказал он ей. – Все знают, что Уэйн спрятался там с восьмидюймовыми ногтями и писает в стеклянные банки. – Обернувшись, он с опозданием добавил: – Альфред... как мило с вашей стороны пригласить меня.

Дворецкий не сделал ничего, чтобы скрыть свое отвращение. Даггетт был воплощением жадности и пошлости – совсем не то, что Уэйны, которые всегда использовали свое богатство для улучшения окружающего мира.

– «Акт Дента» касается Готэма, – ровно ответил Альфред. – Даже вас, мистер Даггетт. – Он вежливо склонил голову к Миранде. – Мисс Тейт, всегда приятно вас видеть. – Он простился с ними, но не мог не услышать их голоса, когда они эхом отозвались по коридору. Альфред остановился на некотором расстоянии и повернулся посмотреть.

– Зачем тратить свое время, – спросил Даггетт Миранду, – пытаясь поговорить с человеком, который тратит ваши инвестиции на какой-то бесполезный проект спасения мира. – Его голос был полон насмешки. – Он не сможет помочь вам вернуть ваши деньги. А я могу.

Она ответила холодно.

– Я могла бы попытаться объяснить, что проект по спасению мира, тщетный или нет, стоит любых инвестиций. Я могла бы попытаться, мистер Даггетт, но вы признаете только деньги и ту власть, которую, как вы думаете, они покупают. Так, и в самом деле, зачем тратить свое время? – Она раз-

вернулась и оставила его стоять в холле. Хмурясь, он смотрел ей вслед.

«Браво, мисс Тейт, – подумал Альфред. – Браво».

Брюс Уэйн вырос в поместье Уэйнов, по крайней мере, в его первоначальном воплощении, поэтому он едва заметил роскошный декор гостиной, когда хромал к своему обеду. Единственный оставшийся наследник состояния Уэйнов тяжело оперся на деревянную трость, поддерживая поврежденную левую ногу.

Его лицо было изможденным и напряженным. Темные круги залегли под глазами. Следы седины пропитали темные волосы на висках. Мятый шелковый халат был накинут на опущенные плечи. Его ноги, обутое в тапочки, бесшумно ступали по полу.

Соблазнительный аромат поднимался от подноса с обедом. Брюс поднял крышку, любопытствуя, что Альфред придумал этим вечером, но застыл на середине движения. Его взгляд переместился с подноса на открытую дверь, ведущую в гостиную. Это всего лишь игра его воображения, или дверь была чуть более приоткрыта, чем раньше?

Холодные карие глаза подозрительно сузились.

«Интересно, – подумал он. – Что у нас тут?»

Гостиная была так же дорого обставлена, как и остальная часть особняка. Несмотря на срочный характер своего задания, она не смогла удержаться, чтобы все разведать.

«Осторожно, – предупредила она саму себя. – Не теряй зря времени».

Ряд фотографий в рамках, некоторые заметно обгоревшие по краям, занимали почетное место на столе. Она узнала Томаса и Марту Уэйнов, трагически убитых в переулке более трех десятилетий назад. В третьем кадре был портрет привлекательной брюнетки, которая каким-то образом умела выглядеть серьезно, даже улыбаясь в камеру.

«Рэйчел Доуз, – поняла подготовленная служанка. – Мертвая подруга Харви Дента. Убита Джокером, или так говорят, незадолго до того, как Дент был убит Бэтменом».

Ряд фотографий был похож на миниатюрное кладбище с надгробиями. Прислуга провела пальцами по позолоченным рамкам, прежде чем перейти к самой заметной странности в комнате – полноразмерной мишени для стрельбы из лука, прикрепленной к большому деревянному шкафу. Более дюжины стрел застряли в центре, собравшись в группу вокруг мишени. Заинтригованная, она потянулась было, чтобы осмотреть одно из них, как сразу же отдернула руку назад, когда новая стрелавонзилась в мишень, всего в нескольких

доймах от ее пальцев.

Вздвогнув, она обернулась и увидела самого Брюса Уэйна, выглядевшего более изможденным, чем блистательный плейбой-миллиардер, которого помнил мир. Он стоял в другом конце комнаты, сжимая большой композитный лук. Против воли, она была под впечатлением.

Она не могла припомнить, когда в последний раз кто-то подкрался к ней.

Брюс опустил лук. Он отложил его в сторону и поднял свою трость.

– Мне... мне ужасно жаль, мистер Уэйн, – застенчиво загнулась служанка. Она показалась ему очень молодой и смущенной. – Вы же мистер Уэйн, не так ли?

Он кивнул и захромал к ней.

– Хотя у вас нет длинных ногтей, – нервно бормотала она, – или шрамов на лице... – Она умолкла.

Брюс осматривал любознательную молодую незваную гостью. Он не узнал в ней одну из постоянных служанок. *«Должно быть, временная сотрудница, приглашенная для сегодняшнего праздника, – подумал он. – Не смогла удержаться и все разнюхать».*

– Вот что они говорят обо мне? – спросил он.

Она пожала плечами:

– Только... что никто давно вас не видел.

«В этом-то и смысл», – подумал он.

Безупречное жемчужное ожерелье украшало ее стройную шею. Брюс подошел ближе.

– Красивое колье, – прокомментировал он. – Напоминает то, что принадлежало моей матери. Хотя это не может быть оно. Ее жемчуг в этом сейфе...

Большое бюро из красного дерева упиралось в стену. Он использовал свою трость, чтобы надавить на утопленную деревянную панель, которая отодвинулась, открывая скрытое отделение.

– ...который, как заверил меня производитель, нельзя взломать.

Дверца сейфа распахнулась.

– Упс, – удивилась служанка. – Никто не сказал мне, что его нельзя взломать.

Все ее поведение изменилось в одно мгновение. Она прекратила вести себя как застенчивая девушка и приняла более дерзкую, уверенную позу. Это напомнило ему о том, как он сам в прежние времена отказывался от роли неосторожного, незрелого плейбоя всякий раз, когда наступало время раскрыть его истинное «я». Против воли, он был впечатлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.